

Вырезка из газеты

ГОРЬКОВСКАЯ КОММУНА

Горький

Газета №

В павловском театре

Я смотрел всего один спектакль драматического театра в г. Павлове. Играла «Нора» Г. Мосена. Трудно говорить по одному спектаклю о коллективе, режиссуре, трудно говорить об артистическом составе, ибо в спектакле занято всего 7 человек. И все же спектакль заставляет подумать о многом.

Работники театра сталкиваются с серьезными производственными трудностями — тут и недостаточное количество репетиций, отрицательные возможности декоративного и костюмного оформления спектаклей, и т. д. Умение преодолеть их говорит о том, что в коллективе живет упорная воля и творческая целеустремленность.

Достаточно разнообразен репертуар театра, но в плане, намеченном на 1940 год, есть, мне кажется, ошибка: пьеса «Польводец Суворов» Тухтерева и Рауковского — важная пьеса, показывает прекрасную страницу из истории русского народа, но требует больших постановочных средств, больших массовых сцен. При отсутствии надежного вспомогательного состава нельзя ставить эту пьесу. Думать иначе — значит браться за дело с негодными средствами. Здесь есть опасность скалтурить.

В целом коллектив павловского театра делает большое и очень ценное дело. Мы обсуждали спектакль до поздней ночи. Коллектив требует обсуждения «без скидок». Действительно, зритель вот и не должно быть дела до того, с какого количества репетиций приготовлен спектакль, каковы были условия технического оснащения спектакля.

Спектакль «Нора» поставлен с 17 репетиций. Артистическое мастерство, глубина вживания в образ, правильная, действенная жизнь образа — растет именно на репетициях. И часто-часто в недоработанном спектакле «подлинное» актерское дарование только блеснет вместо того, чтобы осветить весь спектакль целиком, а бездарность, вместо того, чтобы быть затупеванной, выпирает на первый план.

Это понимают в павловском театре (художественный руководитель тов. П. Г. Пармонов), и в «Норе», в поисках правды, театр приспособляет пьесу к себе. Театр играет пьесу просто, без нажима. В этом есть большое достижение. Люди просто и осмысленно разговаривают, часто правильно воздействуют друг на друга.

Но в этой простоте, рожденной благородными измерениями, есть опасность иного рода, опасность, которой не избежал павловский театр. «Простота» привела к упрощенчеству, к этапной «живейской простотенке», которая вот-вот может скатить все события в людей, действующих в пьесе, в бытвальщице. А ведь все в пьесе борется с бытвальщицей, с торжествующим мещанством; ведь ни Нора, ни Ральк, ни Ингве, ни Кротстал не обыватели, ведь Гельмер, как обыватель, мещанин, в своей гнойной пошлости постепенно раскрывается перед нами, как общий наш враг.

Все в пьесе борется против обывательщины, а в спектакле многово ее утверждает. В пьесе звучит трагический пафос, а в спектакле — взволнованный обман мнений; в пьесе внутренние человеческие события, а в спектакле — сценические ситуации. Страстный конфликт, рисующий борьбу проснувшейся женщины за человеческое свое достоинство, слишком опропащется.

Есть ошибки и в трактовке взаимоотношений Норы со своим мужем Гельмером. Театр считает, что Нора не любит мужа. Нам, кажется, что этим самым снимается право Норы ожидать «чуда» — самопожертвования мужа, снимается трагедия разрыва.

Нет в спектакле ансамблевого начала, а ансамбль достигается в упорной борьбе за единые методологические установки в актерской работе. Это то, что коллективу павловского театра еще предстоит сделать.

М. А. Прокопович, растущая и способная актриса, еще не нашла себя в роли Норы. Сомнения тов. Прокопович о роли гораздо больше сомнений и тревог самой Норы. Это понятно: роль мировой драматургии, подобные роли Норы, обогащая артиста, дают подлинно-творческие плоды даже через тоды. Глядя на Нору — Прокопович, веришь, что серьезность и взучивность артистки — залог будущего ее успеха.

Тов. Пармонов, видимо, актер с большим и ценным опытом. В его игре все корректно и строго, но в Ральке не видно человека, обреченного на смерть, невозможно приблизиться к нему. В нем не блещит острая ненависть к виновникам его медленного загнивания и не звучит бескрайняя тоска о неразделенной любви к Норе.

Много есть еще недочетов в спектакле, есть в нем и достижения. Об одном из исключительных достижений я хочу сказать.

Театр покоряет своего зрителя. Рядом со мной сидят муж и жена — колхозники, он с окаянстой сетующей бородой, она — в платке. С первого слова до последнего они внимательно слушают, все им понятно; женщина вытирает слезы, когда уходит Нора, и оба они ненавидят Гельмера. Они не знают, что мировая пресса считала уход Норы тенденциозным, и расценивала финал, как неудачу автора.

Они, наши зрители, борцы за правое высокочеловеческое дело, считают, что Нора права, уход от мужа, что Нора этим самым уже становится другой, что она будет еще лучше.

• • •

Козеса вагона, отвозящего меня в Горький, напрасно пытаются усыпить меня мерными постукиванием. Я думаю о товарищах моих по профессии, делающих большое и ценное дело на своем маленьком участке для нашей великой родины.

Е. БРИЛЛЬ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР.

Павлов—Горький.